

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ Ф. Р. ДУНАЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 37:167.5

DOI : 10.12958/2227-2747-2020-2(174)-69-82

Кононов Илья Федорович,

доктор социологических наук, профессор,

заведующий кафедрой философии и социологии,

ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,

г. Старобельск, Украина

kononov_if@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0002-9253-6261>

Для цитирования: Кононов И. Ф. Педагогическая утопия Ф. Р. Дунаевского в контексте эпохи. *Освіта та педагогічна наука*. 2020. № 2 (174). С. 69 – 82.

References (стандарт APA): Kononov, I. F. (2020). Pedagogicheskaja utopija F. R. Dunaevskogo v kontekste jepohi [F. R. Dunaevsky's Pedagogical Utopia in the Context of the Epoch]. *Osvita ta pedahohichna nauka – Education and Pedagogical Sciences*, 2 (174), 69 – 82 [in Ukrainian].

Постановка проблемы. 1920-е годы являются тем периодом в развитии нашей страны, к которому, так или иначе, обращаются взоры исследователей-обществоведов. С одной стороны, в это время в СССР возникли многие исследовательские направления, влияние которых ощущается и в настоящее время. Речь вовсе не идет только о положительном или только о негативном влиянии. Скажем, в социологии в тот период утвердился отрыв теоретического и эмпирического уровней исследования, но в относительно стройную систему взглядов был превращен материалистический подход к общественной жизни (Образцов, 2017, с. 145). Философия пошла по пути некоего интеллектуального, а в жесткой версии – идеологического, полицейского в мире науки, но на материалистической

основе была осмыслена система категорий Гегеля (Яхот, 1991, № 9, с. 46). В психологии возникло шесть основных школ, которые соревновались между собой, что стимулировало продуцирование идей, многие из которых остаются актуальными и сейчас (Корсаков, Данилов, 2017, с. 136). В педагогике шла борьба между «формальным» и «материальным» направлениями в понимании социального воспитания (Веремчук, 2012, с. 186). В этот период формируется коллективистская педагогическая система А. Макаренко.

Л. Ваховский обоснованно показал, что в 1920-е гг. в украинской педагогической науке и практике взаимодействовали четыре основные методологические проекты: «социальное воспитание», «свободное воспитание», «рефлексологическая педагогика», «марксистская педагогика» (Ваховский, 2017). Как бы мы к этому наследию не относились, но оно является для нас актуальным. Без него мы не можем в полном объеме понять настоящее. К тому же в тот период работало много исследователей, чьи идеи остались неиспользованным резервом научной мысли. Во-вторых, 1920-е годы как период созвучны нашему времени социальными турбулентностями и поиском способов овладения ими. Актуализация прошлого социального опыта может быть для нас весьма полезной.

В 1920-е годы интеллектуальным центром Украины был Харьков. К началу 1930-х годов в этом городе работало свыше 80-ти научно-исследовательских институтов разного профиля, что позволяло с гордостью заявить: «Харьков – мозг Украины» (Харьков, 1932, с. 13). Одним из этих научных учреждений был Всеукраинский государственный институт труда, основанный в 1921 году в рамках движения научной организации труда (НОТ). Директором института с момента его основания и до 1929 г. был Фёдор Романович Дунаевский (1887 – 1960). Коллектив под его руководством добился международного признания и занял передовые позиции в советской науке (Михайличенко, 2012). О направлении работы института в авторитетном справочнике того времени говорилось: «Исследовательские работы производит в отрасли всестороннего изучения процессов труда, психофизиологии трудящихся и учащих» (Наукові установи, 1930, с. 223).

Ф. Дунаевский был широко известен своими публикациями, но после ад-

министративного погрома в институте, закончившегося его увольнением, следы ученого теряются. Затем он упоминается как психолог, ученый секретарь Физиологического института им. И. П. Павлова, научный редактор «Журнала общей биологии» в справочнике «Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук» (Фонды и коллекции, 2016, с. 216).

Специальные исследования Ф. Дунаевского базировались на гуманистических философских представлениях о человеческой личности и её социализации. Они были им изложены в произведении «Задача просвещения», которое сам автор датировал осенью 1918 года. В настоящее время научное наследие Ф. Дунаевского изучено плохо. Есть отдельные работы по менеджменту, в которых рассматриваются его идеи. При этом они вписываются исключительно в современный российский контекст (Корицкий, 2005, с. 140 – 141). Что же касается его философии воспитания, то она не изучена вовсе.

Цель статьи – рассмотрение философии воспитания Ф. Дунаевского и её влияния на его психотехнические работы. Делается попытка погрузить идеи исследователя НОТ в контекст его времени.

Методология и методы исследования. Работа выполнена на основе историко-генетического подхода, методологических принципов историко-педагогического исследования – объективности, системности, историзма, диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, необходимости их анализа в конкретных исторических условиях.

Использованы методы анализа презентативного круга документов, источниковедческого анализа и синтеза, хронологический, сравнительно-сопоставительный метод, метод теоретического обобщения.

Изложение основного материала.

Содержательно «Задача просвещения» Ф. Дунаевского – это педагогическая утопия. К ней *mutatis mutandis* применено определение А. Богданова: «Всякая практическая утопия характеризуется двумя чертами: во-первых, она выражает какую-нибудь реальную *организационную потребность* общества, класса, отдельной группы людей; во-вторых, по методу осуществления она представляет *тектологическую ошибку*» (Богданов, 2003, с. 229). Под тектологической ошибкой понималось отсутствие организационных средств воплощения проекта в жизнь. Однако Ф. Дунаевский перед собой и не ставил задачу создать технологически реализуемый социальный проект. Его замысел, видимо, состоял в формировании философских позиций в понимании процесса социализации.

Здесь следует сделать отступление. Педагогическая теория и педагогическая практика имеют дело с практическими утопиями. В свое время эту особенность воспитательных институтов Герман Гессе определил через понятие «педагогическая провинция» (Гессе, 2010). Если этим воспользоваться, то можно сказать, что в своих педагогических провинциях разные общественные системы отражают собственные идеализированные черты. В этом смысле колонии А. Макаренко были педагогическими провинциями формировавшегося социализма. Это же приложимо и к системе В. Сухомлинского, но социализм в этом случае находился на другом этапе развития. Можно даже сказать, что без такой утопии воспитательная система вообще невозможна, во всяком случае, в период модерна. К таким утопиям можно отнести и книгу Ф. Дунаевского.

Рассматриваемый текст построен как рассказ о Дворце созидания, который имеет своей целью социализацию под-

растающих поколений. Ф. Дунаевский подчеркивал общечеловеческий подход этого процесса: «Общечеловеческий масштаб постановки, принятый современностью для её начинаний, – вот то новое, что вносит Дворец в процесс воспитания. Для нового человечества нужна новая молодежь. <...> Здесь одна группа и один класс» (Дунаевский, 1922, с. 15).

Топология дворца неопределенная. С одной стороны, это – реальное здание в некоем неназванном городе. Вокруг здания разбит огромный парк, который служит местом притяжения всех детей города. «Ребенок входит сюда играть, но, сам не замечая того, он от игры подымается к делу» (Дунаевский, 1922, с. 12). Автор описывает заботу старших детей о младших, полезность межвозрастных взаимодействий в играх и усвоении полезных навыков.

В духе 1920-х годов Ф. Дунаевский возлагает огромные надежды на педагогику как на науку и практику, способную преодолеть груз старых привычек и предрассудков, тянущих общество назад, как на науку и практику, привносящую научное начало в смену поколений. Важным для автора было указание на то, что Дворец созидания движется к общей цели со всем обществом, но движется своим путем. «Он объявляет войну не только невежественной самоуверенности родителей и тесноте детских. Он объявляет войну всякой случайности, влияющей на развитие ребенка: случайности рождения, случайности сожительства и соседства, случайности личных знакомств, случайности обстановки и всякой другой случайности, которая ограничивала бы для ребенка определение своих действительных склонностей и призваний» (Дунаевский, 1922, с. 13). Существенным моментом концепции Ф. Дунаевского является установка на развитие личности каждого ребенка в коллективе: «...Ни один ребе-

нок в парке не теряется в общей массе. Каждый из них – самостоятельная личность и за каждым из них следят и заботятся отдельно» (Дунаевский, 1922, с. 16).

Дети подрастают и из парка переходят в сам Дворец, где происходит образовательный процесс. Ф. Дунаевский сформулировал его общие принципы: «Если просвещение древности и просвещение Востока было орудием подчинения, то просвещение Нового Времени есть орудие содружества. Если просвещение подчиняющее означало усвоение созданного другими, то просвещение содружеское означает приобщение к созиданию самостоятельному. <...> Современный дворец просвещение не может быть ничем иным, как Дворцом Созидания. <...> Душа будущего в содружестве созидания» (Дунаевский, 1922, с. 8).

Вступая во Дворец как в реальное здание, ребенок начинает знакомиться со всеми богатствами человеческой культуры. При этом весь процесс подчиняется нескольким принципам. Первый принцип – самостоятельная работа с некими проблемами, проектами. «Такова систем Дворца Созидания. Она не знает уроков и не знает лекций. Она дает возможность учащемуся ознакомиться самому и научиться к работе самостоятельно. Наставник приходит к ученику только там, где он не в силах справиться самостоятельно. Но наставник не даёт ему готового ответа, он только помогает найти его самому» (Дунаевский, 1922, с. 60). Второй принцип – принцип концентрического усвоения знаний. «Система образования, к которой применяет свои залы Дворец Созидания, – концентрическая система. И концентр подготовительный отличается от центра начального не обширностью, но глубиной» (Дунаевский, 1922, с. 23). Третьим принципом является единство образования и науки. «Здесь на-

ходит наука свою действительную свободу» (Дунаевский, 1922, с. 63). Четвертым – уважительное отношение к каждому ученику, развитие и защита его достоинства. «Дворец созидания знает о вашей боязни и не оттолкнет вас с надменным презрением. Он не морализирует над слабостями, но изучает их и помогает в них» (Дунаевский, 1922, с. 67). И пятым принципом можно назвать индивидуальность продвижения в познавательном процессе и фиксация достижений на отчетных карточках по желанию обучающихся. Правда, автор утопии отмечает, что так по Дворцу можно ходить недели и годы, все изучая, пробуя и предлагая свои соображения (Дунаевский, 1922, с. 24).

На первом этаже Дворца начинающие обучение знакомятся с достижениями человеческой культуры. Ф. Дунаевский подчеркивал: «...Сила культуроведения не в том, чтобы загромаждать память человеческую трупами и пеплом былых достижений, но в воодушевляющем действии созидания, как властной реальности жизни» (Дунаевский, 1922, с. 21). Возникновение человека, жизнь первобытного общества, этапы развития цивилизации, важнейшие поворотные моменты человеческой истории должны быть представлены в живых образах. Ребенок должен почувствовать причастность к великим открытиям, ощутив сопричастность творцам, видя их в их звездные моменты.

Для старших учащихся во Дворце созданы возможности лично моделировать различные исторические события, процессы, формы жизни. Так, в Кабинете афинской демократии можно выбрать и сыграть роль оратора или какого-либо другого деятеля античного времени. Каждое деятельное моделирование завершается анализом: «...После каждой удачи и каждой неудачи происходит обсуждение её

причин, а в случаях выдающихся и методическое исследование этих причин» (Дунаевский, 1922, с. 31).

Творчество не является исключительно рациональной характеристикой человеческой деятельности. Творец должен быть эстетически развитым. Автор «Задачи просвещения» писал: «Если деятельность хозяйственная и исследование научное суть бесспорные сферы созидания, то деятельность художественная есть созидание по преимуществу» (Дунаевский, 1922, с. 46). У него рождается поэтический образ, навеянный научной и промышленной практикой: «Вы погружаетесь в электролитическую ванну красоты, и золото вашей души неслышно кристаллизуется здесь, отделяясь от всех своих примесей. Такова власть искусства» (Дунаевский, 1922, с. 49).

Рассматривая Дворец как некое реальное учреждение, Ф. Дунаевский пишет, что для нужд уставших в его пределах должны быть буфеты, бассейн, спортзалы, баня. В саду Дворца «...можно посадить дерево, которое будет вашим, и за которым вы будете следить и ухаживать» (Дунаевский, 1922, с. 25). Здесь же можно наблюдать за работой артелей сотрудников дворца. Можно записаться в одну из них, а можно создать свою (Дунаевский, 1922, с. 26).

Но топология Дворца в описании меняется. Она расширяется до огромных масштабов, фактически становясь топологией особого общественного института. Из Дворца выходят отряды «просветительской армии», которые внедряют выработанные идеи и планы в жизнь. По всей стране создаются филиалы Дворца, которые преобразуют жизнь в её самых отдаленных уголках. «Просветительская армия – это та кровеносная система, посредством которой Дворец Созидания разносит свою творческую силу в народные массы» (Дунаевский, 1922, с. 36).

Обучение во Дворце переходит в созидательную работу за его пределами: «Под руководством специалиста вам предложат какую-нибудь организаторскую задачу, например, образовать собрание из толпы зрителей и провести его, выступить с проектом и защитить его, распределить обязанности в формируемом дорожно-строительном отряде и т.п.» (Дунаевский, 1922, с. 29). Чем выше учащийся поднимается этажами Дворца, тем отчетливее становится ему понятно, что главная наука, которой здесь учат, – наука управления. Поэтому «рядом с аудиториями для дебатов вы находите аудитории для упражнений административных. Здесь отлично знают, что искусство управления есть дар, полученный от рождения. Но здесь знают также, что природные дарования поддаются развитию и укреплению» (Дунаевский, 1922, с. 33). На этом этапе для нуждающихся читают лекции о прошлых системах управления, «лекции по архике». Эта деятельность Дворца имеет высокую цель: «Так страна в порыве самозащиты создает для себя рассадник правителей, искушенных продуманной подготовкой и опытом минувших веков» (Дунаевский, 1922, с. 35).

Ф. Дунаевский многократно подчеркивал, что задачи воспитания и образования не должны сливаться с нуждами текущей политики. Он видел опасность такого слияния: «Самая крайняя форма коммунизма может явиться прикрытием эксплуатации, если того не сделает невозможным сознательная бдительность просвещенных масс» (Дунаевский, 1922, с. 56). Поиск автономии просвещения в обществе, переживающем революционные преобразования, приводит Ф. Дунаевского к следующей формуле: «Революция не отвергается, но понимается Дворцом Созидания» (Дунаевский, 1922, с. 56). Задача просветительских учреждений и в

этих условиях – «укрепление личности и сил человека» (Дунаевский, 1922, с. 56). Сила Дворца Созидания не в непосредственном воздействии на проблемы общественной жизни, а в долговременном влиянии. «Здесь не раздаются призывы к восстанию и здесь не составляют политические платформы. Но здесь выковываются и вооружаются деятели, которые сделают угнетение органически невозможным» (Дунаевский, 1922, с. 56).

Во Дворце Созидания обучение и воспитание органически сочетается с научными исследованиями. Ученые и являются учителями и воспитателями: «Здесь нет специалистов по „предметам“. Здесь есть специалисты наук, и, в частности, специалисты педагогики» (Дунаевский, 1922, с. 60). Вход на этажи, где размещены научные лаборатории, открыт в принципе для каждого. Но, чтобы туда попасть, нужно подать обоснованный исследовательский проект (Дунаевский, 1922, с. 44).

Дворец Созидания представлялся Ф. Дунаевскому мощной производственной корпорацией: «Производство учебного оборудования и научных средств стало самостоятельной отраслью промышленности в стране, отраслью более значимой, чем текстильная или химическая. Эта область промышленности составляет монополию Дворца» (Дунаевский, 1922, с. 60 – 61). Поэтому это учреждение может обеспечить свою экономическую самостоятельность.

Особый этаж во Дворце занимает управление. Оно абсолютно прозрачно и лишено бюрократичности. Управляет всеми процессами Центр, избираемый на ежегодных конгрессах деятелей созидания (Дунаевский, 1922, с. 74). Его решения принимаются с соблюдением полной гласности. «Членов Центра всего несколько человек, но они заседают в большой аудитории. Ибо заседания из публичны, и инте-

ресующихся ими всегда достаточно» (Дунаевский, 1922, с. 74). Руководящий центр назначает коллегия заведующих, каждый из которых отвечает за определенное направление работы Дворца.

Жизнь Дворца управляется не бюрократически, а информационно. Поэтому Ф. Дунаевский огромное внимание уделяет системе учета, которая позволяет набором диаграмм каждый день отражать результаты работы. В целом, «два принципа лежат в основе этой системы: правильное распределение функций, соответственно способностям, склонностям и подготовке, и воодушевлением величием общей задачи» (Дунаевский, 1922, с. 76).

Написанное Ф. Дунаевским о Дворце Созидания пробудит в памяти каждого образованного человека иные проекты подобных дворцов. Ряд их авторов будет включать Т. Мора, Т. Кампанеллу, Э.-Г. Морелли, Ш. Фурье, Н. Чернышевского. Система управления дворца Созидания напоминает Совет Ньютона А. Сен-Симона. Автора «Задач просвещения» это вовсе не смущало. В ином строго научном сочинении он писал: «Подобное распределение людей для работ в соответствии со способностями является характерным требованием всех величайших социальных утопистов, начиная с Платона и Кампанеллы» (Дунаевский, 1923, с. 6). Видимо, на начальном этапе советской власти в условиях отсутствия в марксизме конкретных решений по отдельным вопросам строительства социализма актуализировались работы коммунистов и социалистов прошлого. К ним начали обращаться как к неиспользованному резерву идей.

Конечно, если утописты прошлого проектировали дворцы для будущих жителей справедливого общества и предполагали, что подобные здания будут когда-то построены, то Ф. Дунаевский свой дворец в большей степени рассматривал

как метафору социального института. Чтобы эту метафору понять, нужно прогрузить утопию харьковского ученого в контекст эпохи. Это тем более необходимо сделать, ибо сам он ни на кого в своем тексте не ссылается, давая изображения должного как визионер.

Есть все основания предположить, что Ф. Дунаевский написал свое произведение под влиянием идей А. Богданова и деятельности Пролеткульта. Один из членов Центра Дворца в тексте Ф. Дунаевского рисует такую картину мира: «Мир состоит из разрядов и колебаний, и природа их всех – одна и та же природа. И световая волна и зарождение звездной системы есть лишь стычки вечной борьбы между сопротивлением и напором» (Дунаевский, 1922, с. 81). Это прямо перекликается с богдановскими словами из «Тектологии»: «Наш мир есть вообще *мир разностей*; только разности напряжений энергии проявляются в действии, только эти разности имеют практическое значение» (Богданов, 2003, с. 66). Это динамическое видение мира было для А. Богданова основой его организационной теории, ибо «...все, что организуется, есть не что иное, как активности-сопротивления» (Богданов, 1918а, с. 80).

А. Богданов не написал книги о воспитании и образовании, но многократно обращался к этим вопросам, так как считал их фундаментальными для строительства нового мира. И здесь мы снова видим перекличку идей Ф. Дунаевского с идеями А. Богданова. Автор «Тектологии» был противником узкоспециализированного образования. Он писал о задачах воспитания: «Оно должно подготовить человека не только к выбору своей функции в системе сотрудничества – и притом выбору повторяемому – но и к участию в её определении для других членов коллектива. Воспитание должно,

следовательно, давать *общие* знания и *общие методы* труда, которые и создаются на этой ступени развития; в этом новое „общее образование” отличается от прежнего, которое по необходимости сводилось к собранию обрывков, хотя бы наиболее важных и общих, из специальных областей знания и специальных методов» (Богданов, 1918б, с. 118).

А. Богданов аргументировал свой вывод о новом идеале воспитания двумя аргументами. Первый аргумент основан на тенденциях машинного производства, ведущих к автоматизации. В этих условиях узкая подготовка специалистов будет противоречить его потребностям. Он писал: «Над машиной нужен человек, а не тейлоровская живая машина» (Богданов, 1919, с. 12). Второй аргумент призвал учитывать изменчивость социальной среды. В условиях социальных турбулентностей «...задача воспитания в наибольшей доле неизбежно должна решаться в расчете на неопределенно-изменяющиеся условия» (Богданов, 2003, с. 159).

Что касается автономии Дворца Социализма по отношению к текущей политике, то это идея Пролеткульта, одним из идеологов которого и был А. Богданов. Он считал создание новой культуры предпосылкой победы социализма, ибо в культуре создается и сохраняется основная форма общественной связи. Буквально у него это выглядело так: «Не в имущественном хозяйстве рабочих организаций, профессиональных, партийных и иных, надо теперь искать социализма, а в их живом классовом сотрудничестве. Оно – не прообраз социализма, а его истинное начало; ибо в товарищеской трудовой связи и состоит его сущность» (Богданов, 1924, с. 95). Новую культуру А. Богданов рассматривал как этап развития мировой человеческой культуры. Преимущество, являющаяся законом культурного разви-

тия, предполагала смягчение классового подхода к духовной жизни, так как «...мы живем не только в коллективе настоящего, мы живем в сотрудничестве поколений. Это – не сотрудничество классов, оно ему противоположно. Все работники, все передовые бойцы прошлого – наши товарищи, к каким бы классам они не принадлежали» (Богданов, 1924, с. 122 – 123).

Пролеткульт был широким общественным движением, в котором участвовали не только коммунисты, но и представители других левых партий (эсеры, анархисты) и беспартийные. Он имел разветвленную систему по всему Советскому Союзу. Были созданы губернские, уездные и городские пролеткульты. Как правило, они повторяли структуру центрального Пролеткульта и имели организационный, литературно-издательский, театральный, школьный библиотечный, клубный, музыкально-вокальный и научный отделы (Горбунов, 1974, с. 66). При отсутствии фиксированного членства трудно говорить о количественной стороне движения. В исследованиях советского периода повторялась цифра, согласно которой в Пролеткульте в 1920 г. принимали участие от 400 тыс. до 500 тыс. чел. (Горбунов, 1974, с. 124).

Размах и слабая контролируемость этого движения испугали руководство большевиков. Особо эти страхи выросли после формирования в рамках Пролеткульта группы «Рабочей Правды», заявившей о вырождении РКП(б) и о формировании нового эксплуататорского класса из её функционеров (Биггарт, 1993, с. 146). В 1923 г. был арестован А. Богданов. После допроса лично Ф. Дзержинским он был отпущен. Но деятельность Пролеткульта начала сворачиваться. Хотя организация просуществовала до 1931 г., но это было некое мемориальное существование.

Советские историки, писавшие о 1920-х годах, стандартно ругали Пролеткульт. Существовал набор ритуальных фраз. Вначале признавался порыв широких масс к культуре, а затем говорилось: «Но руководство в этой организации заняли люди, далекие от марксизма, последователи махиста Богданова, которые направляли деятельность Пролеткультов по неправильному пути» (Тростянецкий, 1968, с. 59). Парадоксально, но цитированный автор через несколько страниц сообщает, что в руководстве Всеукраинского Пролеткульта были такие классики украинской литературы, как В. Сосюра, В. Коряк, В. Блакитный и т.д.

Когда упорно говорят неправду, то тем самым прикрывают какую-то тайну. Так, видимо, было и в этом случае. Пролеткульт был превращен в некоего козла отпущения, на которого были навешены прошлые «грехи» руководства большевистской партии.

В начале 1920-х годов в Украине под руководством тогдашнего наркома просвещения Григория Федоровича Гринько (1890 – 1938) была разработана и принята стройная образовательная концепция, базировавшаяся на «материальном» подходе (Веремчук, 2012, с. 186). Представление о ней даёт «Порадник по соціальному вихованню». Эта книга служила прямым руководством к действию для работников образования.

Основополагающим положением концепции был социологический вывод о разложении семьи как института. «Процесс этот – безостановочный и поэтому система воспитания Советского Государства ни в коем случае не может ориентироваться на семью» (Порадник, 1924, с. 1). На этом основании провозглашалась политика фактической экспроприации детей у семьи: «В этих условиях Рабоче-Крестьянскому Государству и обществу необходимо вести решительную борьбу против авторитаризма семьи, её индиви-

дуалистических, мелко-собственнических тенденций, социально-бытового консерватизма и деспотизма родителей, религиозных предрассудков и прочее. Следовательно, в современную эпоху базой воспитания детей в Республике является не семья, а общество» (Порадник, 1924, с. 2).

В этом нормативном издании издаются над такими ориентирами воспитания, как «гармонически развитая личность» или даже «нормально развитая личность». Утверждается, что «...цель социального воспитания детей – это подготовка новых кадров борцов за коммунизм (для нашего времени – борцов за диктатуру пролетариата)» (Порадник, 1924, с. 2).

Документ, подготовленный Наркоматом образования УССР, был продуманным, цельным и ёмким. В нём утверждалось, что личность не может быть ориентиром педагогического процесса: «...Детская „личность“ является объектом воспитания только тогда, когда она через какие-то причины выпадает из детского коллектива (так называемый „дефективный“ ребенок). В основном, или так сказать – „нормальном“ педагогическом процессе детская „личность“ есть такая себе педагогическая фикция, поэтому на неё вовсе не должна обращать внимание целая система социального воспитания. Последняя основывается целиком на педагогическом коллективе, что раскрывает законы (нормы) и формы поведения детского коллектива» (Порадник, 1924, с. 2). Сам педагогический процесс рассматривается «как процесс последовательного образования новых рефлексов» (Порадник, 1924, с. 3).

Воспитательный процесс в этой концепции полностью погружался в текущую политику, ибо он протекает «...на основе активного участия детства в общественно-политической и трудовой жизни, – как процесс включения детства в события, которые возникают на фоне классовых борьбы» (Порадник, 1924, с. 5).

Выводы и перспективы дальнейших научных изысканий. Издавая свою работу 1918 г., Ф. Дунаевский, видимо, имел цель противодействовать этой тенденции огосударствления детства, игнорирования личности ребенка. Он не разрабатывал детально свою педагогическую утопию, рассматривая её только как методологический ориентир. Это подтверждается его последующей научной работой. Разрабатывая тесты, руководя работами по массовому тестированию школьников, Ф. Дунаевский ориентировал эти работы в гуманное русло развития талантов детей. Он писал: «Проблема измерения человеческих способностей, поскольку она становится актуальной, неизбежно переплетается с проблемой развития этих свойств, вне которого сама по себе она теряет свой жизненный смысл» (Дунаевский, 1923, с. 55). Если продолжить классификацию Л. Ваховского педагогических проектов 1920-х гг. в украинской науке и практике воспитания и образования, то проект Ф. Дунаевского можно определить как коллективистски-гуманистический. И в этом он перекликается с задачами сегодняшнего дня.

Живя во время быстрых и непредсказуемых изменений общества, нельзя ориентироваться на репродуктивное усвоение знаний учащимися. Успехов в этом случае добиваются те, кто делает ставку на развитие творческих способностей детей (Спиллер, 2017). Те же, кто будет учить детей на «кейсах», тот будет их учить решать задачи прошедшего дня.

Украинскому научному сообществу необходимо изучить работы Всеукраинского института труда и его директора Ф. Р. Дунаевского. Это может дать полезный материал для выработки нашего оригинального ответа на вызовы времени.

Литература

- Биггарт Дж.** Александр Богданов и «теория нового класса». *Социологические исследования*. 1993. № 7. С. 139 – 150.
- Богданов А. А.** Социализм науки (научные задачи пролетариата). Москва : Издательство журнала «Пролетарская культура», 1918а. 104 с.
- Богданов А. А.** Новый мир. Изд. 2-е., доп. Москва : Изд-во «Коммунист», 1918б. 120 с.
- Богданов А. А.** Между человеком и машиной. О системе Тэйлора. Харьков : Издание Украинского центрального агентства по снабжению и распространению печати, 1919. 14 с.
- Богданов А. А.** О пролетарской культуре. 1904 – 1924. Ленинград – Москва : Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.
- Богданов А. А.** Тектология. Всеобщая организационная наука / редкол.: В. В. Попков (отв. ред.), Г. Д. Гловели, В. Д. Мехреков. Москва : Финансы, 2003. 496 с.
- Ваховський Л. Ц.** Методологічні трансформації у вітчизняній педагогічній науці (20-ті роки ХХ ст.). PRACE NAUKOWE Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie PEDAGOGIKA tom XXVI nr 1 pod redakcją Kazimierza Rędzińskiego Mirosława Łapota Częstochowa 2017. URL: <http://dspace.luguniv.edu.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/2069/Vakhovskii.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Веремчук А.** Українська педагогіка 1920-х років: Г. Ф. Гринько. *Психолого-педагогічні проблеми сільської школи*. Вип. 42. Умань : Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини, 2012. С. 186 – 191.
- Горбунов В. В.** В. И. Ленин и Пролеткульт. Москва : Политиздат, 1974. 239 с.
- Гессе Г.** Игра в бисер / пер. с нем. С. Апт. Москва : АСТ; ВКТ, 2010. 512 с.
- Дунаевский Ф. Р.** Задача просвещения. Харьков : Экспериментальная школа-клуб печатного дела, 1922. 89 с.
- Дунаевский Ф. Р.** Проблема профессионального подбора (выбор профессии). Харьков : Издание Института Труда, 1923. 68 с.
- Корицкий Э. Б.** Развитие науки о менеджменте в России в 1900 – 1950-е гг. *Российский журнал менеджмента*. Т. 3, № 1. 2005. С. 127 – 144.
- Корсаков С. Н., Данилов С. И.** Из истории советской психологии 1920 – 1930-х годов: А. А. Таланкин. *Философские науки*. 2017. № 10. С. 131 – 150.
- Михайличенко Д. Ю.** Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921 – 1930). *Гілея. Науковий вісник*. Київ, 2012. С. 100 – 106.
- Наукові установи та організації УСРР.** Харків : Видання Державної планової комісії УСРР, 1930. 404 с.
- Образцов И. В.** Социолінгвістическіе ісследованія в РККА в 1920-е гг. *Социологические исследования*. 2017. № 12. С. 144 – 155.
- Порадник по соціальному вихованню.** 4-е видання, перероблене. Б. м. : Державне видавництво України, 1924. 271 с.
- Спиллер П.** В финских школах планируют отказаться от предметов. Но стоит ли? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40082790>.
- Тростянецький А. А.** Шляхом боротьби та шукань. Процеси ідейно-творчої консолідації письменницьких сил Радянської України (1917 – 1932). Київ : Наукова думка, 1968. 255 с.
- Фонды и коллекции** Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий справочник / сост.: Н. В. Крапошина и И. В. Тункина ; отв. ред.: д. и. н. И. В. Тункина. Изд. 2-е,

испр. и доп. Санкт-Петербург: Коло, 2016. 304 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 6).

Харьков. Краткий путеводитель по столице Украины. Харьков, 1932. 56 с.

Яхот И. Подавление философии в СССР (20 – 30-е годы). *Вопросы философии*. 1991. № 9. С. 44 – 68; № 10. С. 72 – 138; № 11, С. 72 – 115.

References

Biggart, Dzh. (1993). Aleksandr Bogdanov i «teorija novogo klassa» [Alexander Bogdanov and the «Theory of a New Class»]. *Sociologicheskie issledovanija – Sociological Research*, 7, 139 – 150 [in Russian].

Bogdanov, A. A. (1918a). Socializm nauki (nauchnye zadachi proletariata) [Socialism of Science (Scientific Tasks of the Proletariat)]. Moscow : Izdatel'stvo zhurnala «Proletarskaja kul'tura» [in Russian].

Bogdanov, A. A. (1918b). Novyj mir [The New World]. 2th ed. Moscow : Kommunist [in Russian].

Bogdanov, A. A. (1919). Mezhdue chelovekom i mashinoj. O sisteme Tejlora [Between Man and Machine. About the Taylor System]. Har'kov : Izdanie Ukrainского central'nogo agentstva po snabzheniju i rasprostraneniu pečati [in Russian].

Bogdanov, A. A. (1924). O proletarskoj kul'ture. 1904 – 1924 [On Proletarian Culture. 1904–1924]. Leningrad – Moscow : Izdatel'skoe tovarishhestvo «Kniga» [in Russian].

Bogdanov, A. A. (2003). Tektologija. Vseobshhaja organizacionnaja nauka [Tectology: General Organizational Science]. Moscow : Finansy, 2003 [in Russian].

Vakhovskyi, L. Ts. (2017). Metodologichni transformatsii u vitcheznyanii pedahohichnij nauki (20-ti roky XX st.) [Methodological Transformations in

Domestic Pedagogical Science (1920s)]. *PRACE NAUKOWE Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie PEDAGOGIKA tom XXVI nr 1 pod redakcją Kazimierza Ręzińskiego Mirosława Łapota Częstochowa*. Retrieved from <http://dspace.luguniv.edu.ua/xmlui/bitstream/handle/123456789/2069/Vakhovskii.pdf?sequence=1&isAllowed=y> [in Ukrainian].

Veremchuk, A. (2012). Ukrainka pedahohika 1920-tykh rokiv: H. F. Hrynko [Ukrainian Pedagogy of the 1920s: G. F. Hrynko]. *Psyholoho-pedahohichni problemy sil'skoi shkoly – Psychological and Pedagogical Problems of Rural School*, 42, 186 – 191 [in Ukrainian].

Gorbunov, V. V. (1974). V. I. Lenin i Proletkul't [V. I. Lenin and Proletkult]. Moscow : Politizdat [in Russian].

Gesse, G. (2010). Igra v biser [The Glass Bead Game]. Moscow : AST; VKT [in Russian].

Dunaevskij, F. R. (1922). Zadacha prosveshhenija [The Task of Education]. Har'kov: Jeksperimental'naja shkola-klub pečatnogo dela [in Russian].

Dunaevskij, F. R. (1923). Problema professional'nogo podbora (vybor professii) [The Problem of Professional Selection (Choice of Profession)]. Har'kov : Izdanie Instituta Truda [in Russian].

Korickij, Je. B. (2005). Razvitie nauki o menedzhmente v Rossii v 1900 – 1950-ye gg. [The Development of Management Science in Russia in the 1900s –1950s]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta – Russian Management Journal*, 3 (1), 127 – 144 [in Russian].

Korsakov, S. N. & Danilov, S. I. (2017). Iz istorii sovetskoj psihologii 1920 – 1930-tykh godov: A. A. Talankin [From the History of Soviet Psychology in the 1920s – 1930s: A. A. Talankin]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*, 10, 131 – 150 [in Russian].

Mihajlichenko, D. Ju. (2012). Vse-ukrainskij institut truda i stanovlenie har'kovskoj shkoly nauchnogo menezhmenta (1921 – 1930) [All-Ukrainian Institute of Labor and the Formation of the Kharkiv School of Scientific Management (1921 – 1930)]. *Gileja – Gilea*, 100 – 106 [in Russian].

Naukovi ustanovy ta orhanizatsii USRR [Scientific Institutions and Organizations of the USSR] (1930). Kharkiv : Vydannia Derzhavnoi plianovoi komisii USRR [in Ukrainian].

Obrazcov, I. V. (2017). Sociolingvističeskie issledovanija v RKKA v 1920-e gg. [Sociolinguistic Research in the Workers' and Peasants' Red Army in the 1920s.]. *Sociologičeskie issledovanija – Sociological Research*, 12, 144 – 155 [in Russian].

Poradnyk po sotsiialnomu vykhovanniu [Guide to Social Education]. (1924). B. m. : Derzhavne vydavnytstvo Ukrainy [in Ukrainian].

Spiller, P. V finskih shkolah planirujut otkazat'sja ot predmetov. No stoit li? [Finnish Schools are Planning to Give up Subjects. But is it worth it?]. Retrieved from <https://www.bbc.com/russian/features-40082790> [in Russian].

Trostianetskyi, A. A. (1968). Shliakhom borotby ta shukan. Protsey ideino-tvorchoi konsolidatsii psmennytskykh syl Radianskoj Ukrainy (1917 – 1932) [Through Struggle and Search. Processes of Ideological and Creative Consolidation of the Writing Forces of Soviet Ukraine (1917 – 1932)]. Kyiv : Naukova dumka [in Ukrainian].

Kraposhina, N. V. & Tunkina, I. V. (Eds.). (2016). Fondy i kollekcii Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossijskoj akademii nauk: kratkij spravocnik [Funds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: a short guide]. Sankt-Petersburg : Kolo [in Russian].

Har'kov. Kratkij putevoditel' po stolice Ukrainy (1932). [Kharkov. A Short Guide to the Capital of Ukraine]. Kharkov [in Russian].

Yakhot, I. (1991). Podavlenie filosofii v SSSR (20 – 30-e gody) [Suppression of Philosophy in the USSR (20-30s)]. *Voprosy filosofii – Philosophy questions*, 9, 44 – 68; 10, 72 – 138; 11, 72 – 115.

Кононов І. Ф. Педагогічна утопія Ф. Р. Дунаєвського в контексті епохи

У статті здійснено спробу викласти педагогічні погляди лідера харківської школи наукової організації праці, директора Всеукраїнського інституту праці Ф. Р. Дунаєвського (1887 – 1960). Аналізується його праця «Завдання просвітництва», яка кваліфікується як педагогічна утопія. Вона була побудована автором як розповідь про Палац Творення, топологія якого у творі змінюється. У деяких місцях тексту йдеться про реальну величну будівлю, що стоїть у великому парку, який теж виконує виховні функції щодо найменших дітей. На різних поверхах будівлі розташовуються різноманітні навчальні аудиторії, у яких юнаки та дівчата навчаються, вирішуючи ті чи ті проблеми. Освіта будується відповідно до концентричної системи. Навчання відбувається згідно з індивідуальними запитами і в індивідуальному темпі для кожного учня. Завдання навчання зливаються із завданнями науки. В інших місцях тексту топологія Палацу вже є топологією соціального інституту, у якому зливаються завдання освіти, ширше просвітництва, науки і виробництва наукових інструментів і приладів. Тут уже Палац Творення варто сприймати як метафору широкого суспільного руху. Показано, що педагогічна утопія автором не перетворювалася на технологічний соціальний проєкт,

адже була призначена виконувати роль методологічного орієнтиру в конкретних дослідженнях у межах наукової організації праці. Вона сприяла виробленню гуманістичної концепції професійного підбору. Педагогічні погляди Ф. Дунаєвського склалися під впливом праць О. Богданова і діяльності Пролеткульту. Вони були полемічно орієнтовані проти концепції «соціального виховання», які водночас розроблялися під керівництвом наркома освіти УСРР Г. Гринька.

Ключові слова: педагогічна утопія, Ф. Р. Дунаєвський, наукова організація праці, Палац Творення, О. О. Богданов, Пролеткульт, соціальне виховання, Г. Ф. Гринько.

Кононов И. Ф. Педагогическая утопия Ф. Р. Дунаевского в контексте эпохи

В статье сделана попытка системно изложить педагогические взгляды лидера харьковской школы научной организации труда, директора Всеукраинского института труда Ф. Р. Дунаевского (1887 – 1960). Анализируется его работа «Задача просвещения», которая квалифицируется как педагогическая утопия. Она была автором построена как рассказ о Дворце Созидания, топология которого в производстве меняется. В некоторых местах текста речь идет о реальном величественном здании, стоящем в огромном парке, который тоже выполняет воспитательные функции по отношению к самым маленьким. На разных этажах здания располагаются разнообразные учебные аудитории, в которых юноши и девушки обучаются, решая те или иные проблемы. Образование строится согласно концентрической системе. Обучение происходит в соответствии с индивидуальными запросами и в индивидуальном темпе для каждого учащегося. Задачи обучения сливаются с задачами науки. В других местах

текста топология Дворца предстает как топология социального института, в котором сливаются задачи образования, шире просвещения, науки и производства научных инструментов и приборов. Здесь уже Дворец Созидания стоит воспринимать как метафору широкого социального движения. Показано, что педагогическая утопия автором не превращалась в технологический социальный проект, так как была предназначена выполнять роль методологического ориентира в конкретных исследованиях в рамках научной организации труда. Она способствовала выработке гуманистической концепции профессионального подбора. Педагогические воззрения Ф. Р. Дунаевского сложились под влиянием работ А. А. Богданова и Пролеткульту. Они были полемически ориентированы против концепции «социального воспитания», которые в это время разрабатывались под руководством наркома образования УССР Г. Ф. Гринько.

Ключевые слова: педагогическая утопия, Ф. Р. Дунаевский, научная организация труда, Дворец Созидания, А. А. Богданов, Пролеткульт, социальное воспитание, Г. Ф. Гринько.

Kononov I. F. F. R. Dunaevsky's Pedagogical Utopia in the Context of the Epoch

The article attempts to systematically present pedagogical views of the leader of the Kharkiv School of the Scientific Organization of Labor, the director of the All-Ukrainian Institute of Labor F.R. Dunaevsky (1887-1960). It analyzes his work «The Task of Enlightenment», which is considered to be a pedagogical utopia. It was designed by the author as a story about the Palace of Creation, but the topology of Palace in the work is changing. In some parts of the text the author is talking about a real magnificent building standing in a huge park, which also performs educational functions in relation to

the youngest children. There is a variety of classrooms on different floors of the building. In these classrooms, young people study in the process of solving various problems. The education process is built according to a concentric system. Learning takes place in accordance with individual interests and at an individual pace for each student. The tasks of learning merge with the tasks of science. In other places of the text, the topology of the Palace appears as the topology of a social institution, in which the tasks of education merge, wider than enlightenment, science and the production of scientific instruments and tools. Here, the Palace of Creation is worth being perceived as a metaphor for a broad social movement.

It has been shown that the author did not turn pedagogical utopia into a technological social project, since it was intended to play the role of a methodological guide in specific studies within the scientific organi-

zation of labor. It contributed to the development of a humanistic concept of professional selection. The pedagogical views of F. R. Dunaevsky developed under the influence of works by A. A. Bogdanov and Proletkult (proletarian culture). The ideas were polemically opposed to the concept of “social education”, which at that time was being developed under the leadership of the Commissar of Education of the Ukrainian SSR G.F. Grinko. This concept suggested the expropriation of children by the state from the family, ignoring the child’s personality in the educational process focused on the team. The family by itself was seen by G. F. Grinko as a decaying institution. F. R. Dunaevsky advocated the development of personality as the basis of the viability of the team.

Key words: pedagogical utopia, F. R. Dunaevsky, the scientific organization of labor, Palace of Creation, A. A. Bogdanov, Proletcult, social education, G. F. Grinko.

Благодарности. Статья подготовлена во время стажировки в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Автор признателен за предоставленную возможность руководству Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, в первую очередь ректору профессору С. В. Савченко и проректору по научной работе профессору Л. Ц. Ваховскому, а также принимающей стороне – ректору Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина академику В. С. Бакирову и заведующей кафедрой социологии профессору Л. Г. Сокурской. Многие сведения о работах Ф. Р. Дунаевского автору сообщил профессор И. В. Образцов (МГЛУ). Огромную помощь в работе мне оказали сотрудники Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина